

Человек - текст - эпоха

Выпуск 1

Формирование жизненной среды и менталитета

*Под редакцией
доктора исторических наук В. П. Зиновьева
и кандидата исторических наук Е.Е. Дутчак*

Издательство
Томского
университета
2004

В.В. Шевцов (Томск)

Шампанское губернатора: метод
«насыщенного описания»

В представленном тексте описывается случай, происшедший с поэтом и государственным деятелем Гаврилой Романовичем Державиным (1743-1816) во время его губернаторства в новоучрежденной Олонекской губернии (декабрь 1784 - октябрь 1785 г.). О себе Державин повествует в третьем лице; «Записки» были надиктованы им уже на склоне лет - в 1811-1813 гг.

«Возвратился из сего путешествия в исходе Сентября¹, скоро после того получил указ о перемещении в Тамбовскую губернию. Но как надобно было Олонекскую так сдать, или к сдаче приготовить, чтобы после, а особливо по недоброжелательству наместника прицепок или взыкания не было; то осмотрел Державин вновь подчиненные Губернскому Правлению места и все, что не исправно, исправил, и как между прочим Приказ Общественного Призрения в особливой был зависимости губернатора, то, осматривая оный, приметил в поданной денежной ведомости от помянутого секретаря Грибовского, который отправлял должность казначея, что итоги не верны, то он приказал поверить одному из заседателей, который донес о действительной неверности и явное суждение в нецелости казны. Он приказал сличить с документами, по которым нашлось, что по определениям, подписанным одним губернатором без советников, выдано денег купцам заимообразно без расписки их в шнуровых книгах 7000 р., то в самом деле недоставало наличных

¹ 18 июля - 13 сентября 1785 г. Державин обследовал уезды Олонекской губернии.

более 1000 р. Такое открытие потому более важно, что наместник всякими безделицами подыскивался под губернатором, то и легко мог сказать, что он сам похитил деньги, ибо определения на выдачу их подписаны были одною его рукою, а расписок от приемщиков в получении денег не было. При том знал Державин, что в угождение наместника прокурор и стряпчие, да и прочие чины, того и смотрели, чтоб что нибудь на него донести, то и надобно было исправить сей беспорядок так искусно и без канцелярского производства, чтобы зажать рот всем, восхотившим поступить на какое либо шиканство² и ябеду. А потому призвал он к себе Грибовского и лицо на лицо приятельским увещеванием извлек из него искреннее признание в трате казенных денег. Он сказал, что проиграл их в карты, ведя игру с вице-губернатором, с губернским прокурором и с Уголовной Палатой председателем, которые были все любимцы наместнику. О розданных купцам деньгах объяснил, что для того подписаны одним губернатором определения, что он у купцов просил денег из занимаемых ими сумм, но как они на то не согласились иначе как взять без расписки, а когда заплатят, то тогда уже расписаться в книгах, что он и сделал, а для того и не подавал к прочим членам к подписке определений, чтоб они при выдаче денег не потребовали к своему усмотрению их расписок в книге. Он велел ему искренне сие признание положить на бумагу в виде письма к губернатору, в котором он, во всех своих шалостях раскаявшись, чистосердечно признался, написал по именам, кому что проиграл. Получив таковую бумагу, Державин тот час пригласил к себе вице-губернатора, и как уже был час 7-й вечера, то его весьма таковое необыкновенное приглашение удивило. Сначала, разговаривая о посторонних материях, губернатор в виде дружеской откровенности объявил ему несчастье, случившееся в Приказе Общественного Призрения, и требовал его совета, что ему делать. Вице-губернатор, услышав сие, принял важный вид, стал вычислять многие свои замечания на счет неосторожности губернаторской, что Грибовский не стоил его доверенности и тому подобное и что надобно с ним поступить по всей строгости закона и со всеми теми,

² Шиканить - «притеснять, придирается, цепляться, привязываться и надоедать или вредить» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1996. Т. 6. С. 632).

кто с ним был соучастник. Тогда губернатор просил его, чтобы он лежащую на столе бумагу прочел, и тогда бы дал ему свой совет, что делать. Вице-губернатор взял письмо и, коль скоро увидел свое имя между игроками, то сначала взбесился, потом оробел и в крайнем замешательстве уехал домой. Того только и надобно, чтобы увидя себя замешанным, не предпринял каких с его стороны доносов или других шиканов. Тоже сделано с прокурором и с председателем Палаты. Все они перетрусил, кроме, что прокурор зачал было крючками вывертываться и каверзить. Между тем губернатор послал по купцов, которые взяли казенные деньги не расписавшись в книгах, представил им их дурной поступок во всей ясности и сказал, что отошлет он их тотчас в Уголовную Палату, коль скоро не распишутся в книгах. Они то без всякого прекословия исполнили. Тысячу рублей Державин внес свою; книги исправили и ведомости сочинили по документам, как быть им должно. Ко времени присутствия прокурор принес в правление протест, в котором изъяснил, что губернатором был призван в необыкновенное время ночью, где ему показана бумага, в которой умышленно замешан в карточной игре. Советники сего протеста не приняли, сказав, чтоб он сам отдал его губернатору; он и действительно то сделал, но губернатор принял его со смехом, сказав, что он все затевает пустое, что он его никогда к себе не призывал и деньги никакие в приказах не пропадали, в удостоверение чего поручает ему самому освидетельствовать денежную казну и книги по документам. Прокурор удивился, сходил в Приказ и, нашед все в целости и в порядке, возвратился. Губернатор, издрав его протест, возвратил ему как сонную грезу и, приказав подать шампанского, всем тут бывшим и прокурору поднес по рюмке, выпивал сам и отправился в Петербург, оставя благополучно навсегда Олонецкую губернию и не сделав никого несчастливым и не заведя никакого дела»³.

Итак, по словам Державина, ему предстояло приготовить к сдаче вверенную ему Олонецкую губернию, которая находилась под его управлением почти год (декабрь 1784 - октябрь 1785). Работоспособный и укомплектованный штат служащих, исправные финансы и отсутствие замечаний со стороны высшего начальства - вот что

³ *Державин Г.Р.* Записки 1743-1812 гг. М., 1860. С. 261-263.

могло рекомендовать действительного статского советника Державина перед императрицей и Сенатом для отличия и дальнейшего повышения по службе. Помешать этому могло «недоброжелательство наместника» – генерал-губернатора Олонекской и Архангельской губерний, генерал-поручика и кавалера Тимофея Ивановича Тутомлина (1740–1809).

Отношения и обязанности генерал-губернатора и губернатора не были четко определены; наместник, окруживший себя в Петрозаводске почти императорскими почестями, потребовал от новоприбывшего губернатора подчинения. Вне службы Державин мирился с «почти несносной гордостью и превозношением» Тутомлина, но когда тот прислал губернатору «новый канцелярский обряд», возмутился, поскольку должен был подчиняться только установлениям и указам императорской власти. Тутомлин, пользуясь поддержкой генерал-прокурора Сената князя Александра Алексеевича Вяземского (между прочим, уличенного Державиным во время службы в Сенате в сокрытии 8 миллионов государственных доходов), настоял, чтобы составленные им законы были обязательны к руководству, о чем было объявлено губернским прокурором. С этого момента между губернатором и наместником началась открытая война, причем большинство петрозаводских чиновников встало на сторону последнего, поскольку Тутомлин присвоил себе право перемещать их и представлять к наградам. Ревизии вверенных Державину присутственных мест, сплетни и доносы, жалобы в Сенат, игнорирование распоряжений губернатора – такую изматывающую тактику избрали противники Державина. Наконец, трехтысячный Петрозаводск был потрясен делом о медведе.

Маленького ручного медвежонка в шутку привел в присутствие заседатель верхнего земского суда, за что был вытолкан вон. В угоду наместнику родился слух, что медведь был посажен на председательское место по приказу губернатора, обмакивал лапу в чернила и подписывал бумаги. Истории был дан ход в Петербурге. Вяземский на собрании Сената кричал: «Вот, милостивцы, как действует наш умница стихотворец: он делает медведей председателями!» Целый месяц Державин вынужден был оправдываться перед Сенатом. «Казалось мне, – писал он в рапорте, – странно и безрассудно (в благословенный и просвещенный век премудро царству-

ющей над нами великой Екатерины), заводить следствие и изыскание о проступке, происшедшем более от незнания службы, от легкомыслия и ветрености, нежели от злого сердца»⁴.

В этих условиях для Державина, ставящего превыше всего идею закона и измотанного чередой необоснованных и нелепых придиорок, вопрос о сдаче губернии был вопросом личной и профессиональной чести. На свою беду и к возможной радости недоброжелателей Державин обнаружил в ведомости приказа общественного призрения крупную недостачу в 8 тысяч рублей: 1 тысяча рублей наличных денег отсутствовала и 7 тысяч было выдано в заем купцам без их расписок в получении.

Это могло послужить основанием для обвинения в хищении. Державин был раздражен. Животрепещущий и извечный для всего российского чиновничества финансовый вопрос оказался в более чем неблагоприятном состоянии. Даже по прошествии почти трех десятилетий («Записки» были составлены в 1811–1813 гг.) бывший «до правды черт» Державин не мог сдержать охвативших его чувств: «...зажать рот всем, восхотевшим поступить на какое-либо шиканство и ябеду» и при этом «искусно и без канцелярского производства».

Виновным в растрате оказался 18-летний казначей приказа общественного призрения Адриан Моисеевич Грибовский (1766–1833), которого Державин сам привез на службу из Петербурга, тем самым ручаясь своим авторитетом за его порядочность. Грибовский был вызван Державиным для получения объяснений. «Приятельским увещанием», а скорее прямым предъявлением изобличающих документов, Державин получил от Грибовского письменное признание в содеянном. Семь тысяч были выданы купцам при условии, что они распишутся в получении после их возвращения, поскольку Грибовский сам получил от купцов взаймы (фактически речь идет о взятке за предоставление бессрочной ссуды). Тысяча рублей была проиграна Грибовским в карты вице-губернатору, прокурору и председателю уголовной палаты.

Чтобы не потерять лицо перед законом и его поборниками «в угождение наместника», Державину необходимо было дооформить

⁴ См.: *Прот Я.К.* Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам. СПб., 1880. С. 371–385.

заем и вернуть украденную тысячу. Первая неприятность была следствием оплошности самого губернатора, который из доверия к Грибовскому подписал определение о займе без подтверждения другими чинами и проверки росписей купцов в получении денег. Признание Грибовского отводило подозрение в присвоении денег самим казначеем или привезшим его на службу начальником. Вызванные и сурово отчитанные Державиным купцы «безропотно» подписались в книгах.

Вторая неприятность неожиданно становилась для Державина козырной картой против недоброжелателей-сослуживцев. Игра велась с лицами, которые согласно действующему законодательству⁵ обязаны были искоренять этот порок и которые по вскрытии факта выигрыша казенных денег становились соучастниками растраты. Однако сложность заключалась в том, что тысяча рублей пропала, растратчиком был ставленник Державина, а «любимцы наместника» могли, рассчитывая на его покровительство, отпереться и представить дело в невыгодном для Державина свете. Державин решил выгородить Грибовского и, по его собственным словам, внес свою тысячу рублей в приказ.

Ночью (в семь вечера на севере уже порядочно темно) вице-губернатор был вызван в дом губернатора. Державин завел с невольным гостем беседу о «посторонних материях» и между прочим открылся ему в своем «несчастье», прося совета. Напомним, что в служебной иерархии чин чина почитает, здесь же вышестоящий в растерянности и надежде спрашивал совета у нижестоящего, да еще и принадлежавшего к враждебной партии. Вице-губернатор, конечно, знал, кому проиграны казенные деньги, но не понял из разговора, известно ли об этом Державину. Первая реакция вице-губернатора в ответ на признание и просьбу о помощи была типичной реакцией чиновника, который до выяснения обстоятельств спрятался за букву закона, «принял важный вид» и начал с превосходством поучать допустившего оплошность начальника. Когда же Державин пустил в ход признание Грибовского, вице-губернатор «сначала взбесился» (оказался в глупом положении), «потом оробел» (из обвинителя превратился в обвиняемого) «и в крайнем за-

мешательстве (что делать?) уехал домой». Точно так же Державин от души посмеялся над утратившими внешний лоск и пришедшими в смятение прокурором и председателем уголовной палаты.

В «Записках» Державин объяснил эту импровизацию тем, что «любимцы губернатора», увидя себя замешанными, не предприняли доносов, но избежать этого можно было просто внеся деньги за Грибовского, не разыгрывая целого представления с ночными визитами в губернаторский дом. К тому же при ликвидации растраты эти доносы сыграли бы обратную, желательную для Державина роль, так как их ложность показала бы всю необоснованность придираков (в том числе и предшествующих). Вероятно, Державин решился на эту тонкую игру, чтобы заставить чиновников отрицать факт игры: не было игры - не было и долга Грибовского.

Можно сказать, что Державин добился своего - прокурор, как самый опытный в юридических делах, уже в разговоре стал отпираться, а наутро принес протест о его намеренном втягивании в игру. И здесь Державин уже в открытую посмеялся над своими противниками еще раз - в связи с замешательством при обнаружении целостности казны. Оставалось только принять объяснение Державина, что все происшедшее ночью следует воспринимать как «сонную грезу», подобрать клочки разорванного рапорта и выпить шампанского по приказу (!) губернатора. Державин оставил своих недоброжелателей с носом и, опустошив рюмку с напитком победителя, покинул Олонецкую губернию и отправился в Петербург за новым назначением.

Так рассказ Державина выглядит в современной, более развернутой форме, позволяющей приступить к выяснению новых деталей и обстоятельств, которые приближают нас к пониманию текста и его автора.

Почему и каким образом Державин «взнес» тысячу для покрытия недостачи?

В своей непутевой молодости Державин сам был азартным игроком, пристрастившимся к картам под влиянием петербургского (1765-1967 гг.) и московского (1768-1969 гг.) офицерства. Проигравшись и наделав долгов, он стал промышлять шулерским ремеслом: «...спознался с игроками или, лучше, с прикрытыми благопристойными поступками и одеждою разбойниками, у них научил-

⁵ Устав благочиния или полицейский. 1782 г. Ст. 67, 215, 257 // Российское законодательство X-XX веков. М., 1987. Т. 5. С. 340, 368, 377-378.

ся заговорам, как новичков заводить в игру, подборам карт, подделкам и всяким игрецким мошенничествам»⁶. Иногда Державин проигрывался так, что не на что было не только играть, но и жить. Свое отчаянное нравственное и материальное положение он выразил в стихах «Раскаяние»: «...я в роскошах забав // Испортил уже мой и непорочный нрав, // Испортил, развратил, в тьму скаредств погрузился, // Повеса, мот, буян, картежник очутился; // И вместо, чтоб талант мой в пользу обратил, // Порочной жизнию его я погубил...». После двух с лишним лет такой жизни Державин оставил это опасное ремесло (1770 г.), но не раз еще прибегал к помощи игры, правда уже честной, чтобы поправить свои финансы⁷. Обыгрывая «на хитрости», Державин не раз спасал новичков и неопытных людей от заведомого проигрыша, однако сам он проигрывал только свои и никогда чужие или казенные деньги.

Как в силу своей нелегкой молодости, так и силу текущих материальных обстоятельств Державин не был похож на человека, имеющего привычку и возможность разбрасываться деньгами, пусть даже и из человеколюбивых побуждений. Начав свою службу простым солдатом (1762 г.), по бедности Державин долго ходил в нижних чинах (1763-1772 гг.) и только в возрасте 29 лет (1772 г.) был произведен в офицерский чин гвардии прапорщика. Служба в гвардии обходилась недешево, необходимо было считать каждый рубль и брать займы, чтобы поддерживать требуемый от офицера образ жизни (мундир, карета, съем отдельной квартиры и т.д.). Несмотря на усердие, Державин был обойден наградами за подавление пугачевских мятежников, разоривших его поместье⁸. Всю свою жизнь Державин был рачителен в средствах и даже по завещанию отпустил на волю только нескольких крепостных, пожаловав самому близкому из них - камердинеру - всего 500 рублей⁹.

Отправляясь в Олонецкую губернию в чине действительного статского советника (пожалован за службу в Сенате) и имея в разных деревнях более тысячи крепостных, Державин был обременен долгами. При назначении на должность он получил от Екате-

рины 2 тысячи рублей, которых для выплаты долга было недостаточно, и в заклад отправились «некоторые вещи» и табакерка, пожалованная императрицей за оду «Фелица». Для будущего губернаторского дома и присутственных мест новый губернатор приобрел мебель, «водою отравленную» в Петрозаводск. Приехав в губернский город, Державин получил из своих казанских деревень 2700 рублей, которые тут же отослал в Петербург для уплаты долг (в том числе и карточного в 200 рублей)¹⁰.

Таким образом, наличными деньгами в требующемся размере Державин не располагал. Если исходить из рассказа, то искома тысяча могла быть возвращена Державину Грибовским, который не успел (не захотел?) отдать свой проигрыш более удачливым игрокам. Среди военного и чиновного дворянства отдавать крупный карточный проигрыш сразу и целиком было не в обычае, играл под вексель или честное слово, с возможностью отыгаться.

Однако если мы обратимся к частной переписке, которой суждено было через полвека после смерти поэта быть представлено на всеобщее обозрение в академическом издании, то мы обнаружим еще более невероятное объяснение - деньги были заняты вице-губернатора - Сергея Никитича Зиновьева. В письме к Алексею Ивановичу Васильеву, который вел денежные дела Державин в Петербурге, от 7 сентября 1786 г. обнаруживаем указание уплатить Зиновьеву тысячу, «занятую мною у него для платежа за секретаря Грибовского в олонецком приказе общественного призрения», а если денег для уплаты не предвидится, то «попросить у него чтобы он взял в тех деньгах терпение и вексель переписал, представляя ему в резон то, что оную тысячу рублей заплатил я по после вице: стрёка" с боку, т. е. за них: они блудили, а я окачивался; они у Грибовского казенные деньги выиграла, а я, избавляя себя от нареkania, что под моим начальством то случилось, а их от стыда и от суда, принял грехи их на себя и удовлетворил своим карманом будучи, вам известно, по горло должной человек»¹².

⁶ Державин Г.Р. Записки... С. 35-37.

⁷ См.: Ходасевич В.С. Державин. М., 1989. С. 47-51.

⁸ См. Грот Я.К. Указ. соч. С. 64-84, 227-232.

⁹ См.: Там же. С. 1007.

¹⁰ См.: Там же. С. 368-369.

¹¹ «За верность такого чтения не можем ручаться; в изданных сборниках словарях мы этой поговорки не нашли, не вернее мы: строку, или: стреху? (Примечание Я.К. Грота. С. 566).

¹² Сочинения Державина с объяснениями и примечаниями Я. Грота. СПб. 1876. Т. 5: Переписка 1773-1793 гг. С. 564-567.

Это означает, что в реальности события развивались совсем по-иному. Державин занял у вице-губернатора деньги и в тайне от судебной власти (прокурор и председатель уголовной палаты) замял неприятное дело, произошедшее под его началом и по вине его протеже. Молодой приказной, чье положение было Державину знакомо, был наказан лишь пережитым стыдом и страхом за свою будущую карьеру.

К слову сказать, Грибовский не был неопытным простаком, попавшим по оплошности в сети более искусных игроков. Сам факт его игры с высокопоставленными чиновниками¹³ и операция с купцами вовсе «не плохое» начало службы. После этой истории, в 1786 г., Грибовский был уволен с должности казначея, но в 1787 г. он выхлопотал должность в военно-полевой канцелярии Г. А. Потемкина. Смерть фаворита в 1791 г. не прервала карьеры Грибовского. Он перешел на службу к новому покровителю - П.А. Зубову, став его правой рукой и получив в 1795 г. должность статс-секретаря Екатерины II¹⁴.

В реальности описанного течения событий можно усомниться и исходя из стилистики и структуры текста. Анонимные типизированные персонажи (реальные герои могли опровергнуть или подтвердить написанное)¹⁵ пассивны и действуют не отклоняясь от сценария, играют роли (выводя Грибовского на страницы «Записок» Державин отмечал, что он «после замечательную роль играть будет»)¹⁶. Остальные чиновники, принимавшие участие в улаживании щекотливого дела, не интересуют Державина, как возможные недоброжелатели или доносчики, они лишь декорация в спектакле с главными героями. Ночная беседа с глазу на глаз вне рабочего пространства и времени, оказывающаяся «сонной грезой», также весь ма распространенный сюжет в кругу чтения образованных людей

XVIII в. Неожиданная и изящная концовка (принял прокурора «со смехом», изодрал рапорт, выпил шампанского) уподобляет геро

¹³ Для молодых людей крупный проигрыш выступал как акт некоей инициации, приобщающий к занятию достойному благородного дворянина и переводящий их в число «настоящих» членов местного светского общества. Не случайно проигравшийся молодой человек, как правило жертва шулерских приемов, частая фигура на страницах русской литературы (Гринев, Звездич, Глов, Хлестаков, Ильин, Ростов).

Бильбасов В.А. Адриан Грибовский, составитель записок о Екатерине II // Русская старина. 1892. № 1. С. 13-49.

В переписке Державина приведены фамилии его недоброжелателей.

Державин Г.Р. Записки... С. 250.

сказочному персонажу - его несправедливо преследовали, но благодаря хитрости и находчивости он достиг лучшей доли (Петербург и новое назначение), лишь проучив своих неразумных собратьев по службе («не сделав никого несчастливим и не заведя никакого дела»). Фактически же Державин бежал с должности, испросив через нарочного отпуск, с целью добиться другого назначения¹⁷.

Само предложение о внесении тысячи Державиным самое короткое и неприметное в тяжеловесном и обстоятельном тексте. В фундаментальном жизнеописании Державина, сделанном Я.К. Гротом и легшим в основу последующих биографий поэта, этому эпизоду уделено всего пять предложений¹⁸, хотя Грот был очень внимателен ко всем жизненным обстоятельствам своего героя и ради достижения полноты изложения привлекал все доступные и им же обнаруженные документальные источники.

Очевидно, что рассмотренный эпизод из биографии Державина - это смешение правды и вымысла, по сути, историко-литературный анекдот, отвечающий тем жизненным идеалам и модели поведения, которые Гаврила Романович Державин избрал для себя и которых придерживался всю свою жизнь.

В екатерининскую эпоху в сфере государственного управления господствовала двойная мораль, обусловленная одновременным сосуществованием закона и обычая - воровать можно, но в меру; если брать, то по чину; для решения дела необходимо подобрать соответствующее постановление, а лучше снискать благосклонность очередного фаворита. Для Державина такая ситуация была неприемлема. Закон для него - это неукоснительная норма, оружие против произвола и бесправия. Екатерининский «Наказ» Уложенной комиссии Державин воспринял как политическую программу самой императрицы, как потребность высшей власти в ревностных и бескорыстных служителях закона. Возвышенные предначертания «Наказа» для Державина стали руководством к действию, правилами к окончательному искоренению порока. «Простое слово За-

Вопреки утверждению Державина, что «указ о перемещении в Тамбовскую губернию» был известен ему до изобретательного выезда из Петрозаводска, он был издан только 15 декабря 1785 г. Державин добился этого назначения «благодаря представительству его покровителей и вниманию императрицы к его творчеству» (*Грот Я.К.* Указ. соч. С. 393, 402).
См.: *Грот Я.К.* Указ. соч. С. 394.

кон в русском тогдашнем воздухе прозвучало как откровение. Для Державина оно сделалось источником самых высоких и чистых чувств, предметом сердечного умиления. *Закон* стал как бы новой его религией, в его поэзии слово *Закон*, как Бог, стало окружено любовью и страхом»¹⁹.

При воплощении этих идей в жизнь Державин сравнивал себя с Дон Кихотом, вступившим в борьбу с ветряными мельницами государственной системы. В данном случае его «дон-кишотство» носило не прямолинейный, буйный характер (хотя в биографии Державина таких случаев было немало), а было исполнено (в тексте) с вдохновением и виртуозностью поэта. На практике щекопливый эпизод, связанный с необходимостью сохранить свое доброе имя для будущих «сражений», был разрешен как раз в духе екатерининской эпохи, а на страницах «Записок» был инсценирован, творчески переработан, сконструирован в соответствии с идеалами автора. «Потомство - грозный судия» - таким эпитафией открываются мемуары, имевшие характер дидактического отчета перед читателями и почитателями державинского таланта. Своей желаемой инсценировкой Державин разыграл своих соперников перед лицом реальной публики (читателей текста): серьезным и важным поборникам мнимой законности в угоду начальству он противопоставил реальную законность, обличенную в юмористическую форму. Смех Державина - это не смех губернатора-начальника над своими подчиненными, это смех губернатора-поэта, считавшего российскую чиновную систему нескладной и несправедливой, прообраз смеха Голя в «Ревизоре».

Итак, перед нами два текста: импровизация исторического персонажа эпохи XVIII в. и импровизация автора современной эпохи, стремящегося понять эпоху XVIII в., своеобразное «подмигивание по поводу подмигивания». Американский антрополог Клиффорд Гирц, идеи которого способствовали раскрытию представленного сюжета, писал, что исследователю, ставшему на путь интерпретации, объяснения культуры, приходится «продираться» сквозь «смешанные структуры умозаключений и скрытых смыслов». В контексте этих структур «возможно моргать, подмигивать, делать

вид, что подмигиваешь, передразнивать, репетировать, а также воспринимать и интерпретировать эти действия и без которых все эти действия (включая и нулевое морганье, которое как категория культуры в такой же степени не подмигивание, в какой подмигивание является не морганьем) не будут существовать, независимо от того, что кто-то будет делать с верхним и нижним веком своего правого глаза»²⁰. В этой связи суть метода «насыщенного описания»²¹ заключается в раскрытии и развертывании, по возможности, всех заложенных в тексте реальных и потенциальных смыслов и подтекстов, переживание многогранности, многоаспектности описываемой ситуации, понимание вызвавшей ее к жизни эпохи и духовного мира автора. «Торжество исторической критики - из того, что говорят люди известного времени, подслушать то, о чем они умалчивали», - писал В.О. Ключевский в позапрошлом веке²².

²⁰ Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. СПб., 1997. Т. 1. С. 175.

²¹ Авторство дефиниции принадлежит английскому философу Райлу Гилберту. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1993. С. 36.